

Праздник Середины Осени - Выступления

Шэ Бао

Выступления учеников, мастеров и просто обитателей монастыря всегда были центральной частью любого праздника в Линь Ян Шо и каждый год к ним готовились особенно тщательно. Любой праздник в Линь Ян Шо неизменно собирал целую толпу зрителей и гостей со всей округи и нужно было показать лучшее. В этом году организацией занимались по большей части Чин и Айро, так что Шэ и сам был не слишком в курсе, кто и что собирается показывать, но тем, наверно, было лучше - по крайней мере он мог в кои то веки с интересом наблюдать за ними.

Погожий, теплый, солнечный день, слегка ветреный, но без промозглого чувства наступающих дождей. Солнце еще греет и зажигает улыбки на лицах людей, входящих через главные ворота, играет на разноцветных праздничных одеждах и украшениях, на белоснежной форме настоятеля, спускающегося по ступеням храма Будды чтобы произнести приветственные слова и открыть празднества. Все уже готово.

- Доброе утро, друзья, - начал Ирбис после того как гулкий удар колокола призвал собравшуюся толпу к вниманию и тишине, - и поздравляю вас всех с Серединой Осени. Пусть этот день будет наполнен радостью, весельем и солнечными улыбками на ваших лицах. А сейчас давайте поприветствуем тех, кто в этот праздничный день порадует и удивит нас своим мастерством.

Второй удар колокола возвестил о начале праздника и выступлений

Матвей Болотов

Читать стихи с табуретки Матвея не пускают ещё с тех самых пор, как он в глубоком детстве и в коротких штанишках декламирует особо избранные места из Олейникова и Заболоцкого, вгоняя взрослых в недоумение, в частности, озадачивая вопросом, где ребёнок успел всего этого нахвататься. С тех пор Матвей успел знатно подрасти и даже где-то поумнеть, однако запрет все так же действует по инерции. Но в монастыре-то обо всем этом не знают, для них тёмное прошлое парня остаётся тёмным. Поэтому здесь все ещё можно воспользоваться шансом и таки вскарабкаться на табуретку, чтобы оттуда рубить ладонью воздух и надрывно завывать про "о закрой свои бледные ноги" или ещё что-то в том же духе.

Матвей примерно то и делает, когда суёт свой длинный нос наряду с подозрительно волосатыми ушами на подготовку к показательным выступлениям. И тоже спешит примазаться к компании, пока хитрый шанс ещё не сказал ему, что "Бог подаст".

Репетиции (их всего штуки полторы, и это тоже по-своему чудно) проходят в атмосфере очаровательнейшего сумбура, когда все отчётливо понимают, что внятно отрепетировать не успеют, но все равно усердно пытаются натянуть сову на глобус. Матвей чисто из всеобщей солидарности тоже делает вид, что что-то куда-то натягивает, хотя на деле даже не пытается впихнуть невпихуемое и поместить к себе в голову тяжёлый, едва ли удобоваримый текст. Канву событий запомнил, и

ладно. Уже сочинять на тему можно.

На площади довольнолюдно, так что это, выходит, очень публичное выступление. Ну и хороша же выходит табуретка. В том, чтобы играть рассказчика и тянуть лямку длиннотного текста, тоже есть свои плюсы: никакой реквизит напрочь не нужен, кроме головы да языка. Матвей ещё раз восстанавливает в голове, от какой точки к какой ему нужно вести повествование, и начинает:

— Все легенды всегда происходят без нас,
как и эта —
случилась не с нами.
Случилась, когда земля была так молода,
что люди ещё не считали веков,
не спешили обогнуть шар земной вдоль оси,
да и не верили, что это шар.

Но верили истинно
в звериную пасть, белоснежный оскал,
в стаи хищных зверей, населяющих юную землю,
и просили защиты себе у богов и спасенья.

Матвей с выражением шпарит вольным верлибром, сочиняя и клепая на ходу (верлибр же, чо, ни размера, ни рифмы, знай подтягивай себе строчки, сколько воображения хватит), и лишь время от времени косит на прочих "актёров", проверяя, успевают ли они со своими действиями или можно уже шпарить дальше.

— В то далёкое юное время
спустился на землю
безупречный стрелок-божество Хоу И,
чей лук — красные плечи, белая смерть —
не знал поражений и промаха
и чьи стрелы ни разу не дрогнули
и не отклонились от цели,
к какой бы мишени ни мчались,
что в лоб, что в сердце, что в беличий глаз.
Стрелы смотрели на хищных зверей, и хищники
падали, чтобы умереть, не поднявшись.
И спустилась за ним и его жена,
безупречной красоты богиня Чан Э, чуть похожая на видение.
Белый ветер и звёзды в чёрных как смоль волосах.
Хищники падали к её ногам,
падали,
чтобы умереть, не поднявшись.

Матвея никак не устаканит, он то поднимается к более высокому стилю изложения, то сползает к более вольному, и его самого это бесит. Так и тянет подумать: разучился сочинять.

Джун Мотидзуки

Хотя изначально идея организовать театральную постановку принадлежала именно ему, Джун даже и не представлял, что все может вылиться в то безобразие, в которое она превратилось из-за отсутствия нормальных репетиций и наличия весьма странных актеров, к коим он относил и себя. Претензий не было только к

привлекательной девушке, играющей Чан Э, чьему присутствию он очень обрадовался, после тех безумных вариантов, которые предлагались на роль Лунной богини. И пусть у его партнерши имелся весьма специфичный приятель, это не отменяло того факта, что называть женой хрупкую и изящную особу женского пола было намного приятнее, чем какого-нибудь здоровенного мужика с бородой. И при таком раскладе, да еще и с учетом невозможности отменить уже заявленное выступление, Джун смирился с неизбежностью и решил играть все, что придется согласно сценарию и воле других актеров, способных что-нибудь забыть и этот сценарий перекроить самым неожиданным образом.

Единственное за что он не переживал, так это за необходимость стрелять из лука, так как в последние дни много тренировался, поэтому, когда Матвей представил его как великого лучника, попадающего белке в глаз, уверенно забрался на сцену и приготовился продемонстрировать свои навыки. Выглядел он более чем странно в традиционной японской одежде, которую предпочел в самый последний момент, не решившись надеть подозрительный китайский наряд, который для него подготовили. А уж вместе с луком в руках, полным колчаном за спиной и совершенно не свойственным ему суровым выражением лица, призванным подчеркнуть воинственность и способность поразить не только белку, но и крупного опасного хищника, Джун бы точно не узнал сам себя, если бы мог сейчас посмотреть в зеркало. Радовало только, что ему ничего не нужно было говорить, поскольку он сильно сомневался, что его молодой звонкий голос сильно подходил грозному воину, коим он изо всех сил старался казаться.

Се Юэмин

Для Юэмин участие в театрализованной постановке было полной неожиданностью. Ей льстило, что играть предстоит саму богиню Чан Э, и в то же время она была в ужасе, что все это нужно было делать без репетиций. Те полторы встречи на пошуметь и разойтись не в счет.

Её роль не подразумевала слов, нужно было просто иллюстрировать то, что говорил рассказчик, но девушка все равно волновалась. К моменту выхода на сцену в её голове было приятное состояние дзен – полная пустота без единой оформленной словами мысли. На площади было видимо-невидимо народу: мастера, ученики, кто-то из деревень. Закралось подозрение, что сифу Лю мог пожалеть, что помог ей встать на ноги, чтобы в итоге она своим присутствием на сцене позорила священную обитель.

На девушке было длинное серебристое ханьфу, в последний момент сделанное из того, что было, потому что в семье Чун как-то не было принято держать в шкафу подобные наряды. Волосы Юэмин были распущены, только на макушке часть прядей была собрана в два небольших пучка, украшенных голубыми и серебристыми лентами. На лице был непривычно яркий макияж: светлая-светлая кожа и яркие глаза и губы. Не до такой степени, как в пекинской опере, но все же чтобы объяснить, от чего там падали ниц у ног дикие животные. Юэмин прошла по сцене и встала чуть позади японца, который играл Хоу И. Она сложила руки вместе и скромно потупила взгляд, как полагалось правильной ханьской жене.

Матвей Болотов

Пока, кажется, все идёт достаточно гладко для того, чтобы можно было делать лицо кирпичом и врать, что всё так и задумывалось. Матвея, правда, покалывает неприятное ощущение, что то ли он где-то что-то позабыл, то ли наоборот, что-то воткнул раньше, чем следовало, но раздумывать над этим совершенно некогда. Если начинать вспоминать до мелочей то, как должно было быть, и сравнивать с тем, как получилось, так это Болотов зависнет, как поврежденная аудиокнига, на такую роскошь у него сейчас банально нет времени. Поэтому Матвей невозмутимо продолжает шпарить, сцепляя заранее продуманные заготовки наспех подбираемыми в режиме он-лайн словами:

– Как прикажет небесная императрица –

так небо и изогнется,
не зная других желаний.

Так небо и загорится
десятком покорных солнц,
или сотней,
или потухнет вовсе.

Всё как прикажет небесная императрица,
царица среди цариц.

Матвей не знает точно, это тот, кто был ответственен за кастинг, так расстарался, или просто им повезло, но императрица у них нынче шикарная. Красивая, эффектная девушка, хоть отдельную поэму ей посвящай, даже где-то жаль, что сейчас на это совсем нет времени.

– Правая ладонь – золотой восход,
левая – алый закат,
и когда они сходятся вместе,
земля начинает гореть.

Императрица целует небо навывлет,
зажигая на нем десять пылких солнц.

Чан Э стоит под расплавленным небом –
белый самум в чёрных как смоль волосах,
и земля под её ногами
вся в шрамах от солнечных лучей.

И земля под её ногами,
такая молодая земля,
горьким пеплом хрустит на зубах.

Хоу И смотрит на небо,
от солнца до солнца, девять раз бесконечный пылающий круг.

Хоу И размыкает его девять раз,
поднимая не знающий промаха лук.

Небо рыдает и рвётся,
небо роняет за горизонт
солнце за солнцем.

Красные плечи, белая смерть.

Матвей старается не гнать паровоз вперед чересчур сильно, старается говорить помедленнее, а то и вообще делать паузы там, где актерам явно требуется больше времени, чем дают не слишком длинные строчки. И пока вроде бы все более-менее отлично удастся.

Анне-Лизе идея с участием в театральной постановке нравится до крайности, особенно когда играть предлагают не кого-нибудь, а аж сразу императрицу. Да тем более, небесную. Это же такая потрясающая возможность - совершенно легально быть и красивой (ну, это Саволайнен, положим, и так исправно делает, это не совсем в счет), и грозной, властной, и что там еще в процессе придумается и захочется.

Конечно, когда рассказчик приличный, а не такой, какой на эту постановку попался им.

С одной стороны, то, как Матвей гонит ровную строчку красиво плетеного текста (да еще и не имеющего ничего общего с тем, что они репетировали на своих полутора репетициях) - это, конечно, круто. Но с другой стороны, и ровно по той же причине, поди еще разберись, где и что он имеет в виду. Анна-Лиза, вся разряженная в красное и золотое - она особенно настаивала на этих цветах, а потом у всех учениц монастыря подходящего цвета одежду долго собирали и одалживали - напряженно вслушивается в текст, но все равно едва не пропускает момент, когда Матвей начинает рассказывать про ее персонажа. Успеть бы еще поджаться в его рассказ, поэтому Саволайнен старается поспешать не спеша. Анна-Лиза выходит на сцену и величаво дефилирует по ней, пытаясь каждым жестом и шагом показать императорскую статью и гордость, а потом оборачивается к Джуну и изображает плавный повелительный жест. Мол, фас, мой милый, пойди и взять, что тебе там рассказчик по тексту диктует.

Рассказчик же лепит как попало и мнет половину канвы, но долгий заход про пылающие солнца у него как раз удачный. Подчеркивая, что да, она зажигает, Анна-Лиза прижимает ладони к груди, потом разводит их в стороны и вверх, одновременно с усилием напрягая чакру. Огненная вспышка, вторая, третья, десятая - они появляются над ладонями блондинки и Анна-Лиза, стараясь их по дороге не потерять и не погасить, осторожно отводит эти маленькие клубки огня в сторону от себя. Чтобы бравый лучник случайно не выстрелил ей по уху, когда будет стрелять по солнцам.

Джун Мотидзуки

Следить за рассказом, учитывая замысловатую форму подачи, становилось все труднее. В какой-то момент Джун, изначально переживавший за других участников, испугался, что и сам все перепутает, совершая какие-то не вяжущиеся с несколько измененным сюжетом действия, но потом решил успокоиться и отпустить ситуацию, поскольку все равно мало чем мог на нее повлиять.

Но вот на сцене появилась императрица, которая, в оригинале была императором, хотя, по мнению Джун, эта небольшая вольность трактовки только пошла постановке на пользу. Императрица была во всех смыслах шикарна, поэтому слушаться ее приказов было намного приятнее, чем какого-нибудь сурового мужика. Так что когда она повелительным жестом отправила его "не знаю куда", Джун почтительно поклонился, достал стрелу, подготовил спортивный лук и, недолго прицеливаясь, поразил одну из заранее поставленных на краю сцены мишеней, на которую он лично прилепил изображение какого-то страшного монстра, якобы убитого по приказу императрицы.

А затем началось самое сложное. Императрица создала так называемые "солнца", являющимися в оригинале ее сынами, и ему следовало поразить девять из них,

стараясь при этом попасть стрелами еще и в мишени, чтобы не разбрасывать их по площади, где собралось немало народу, и случайно никого не задеть. Тем более, что после прохождения через огненные “солнца” его стрелы становились еще опаснее для окружающих.

Но не зря Джун последние дни много тренировался. Строго погрозив пальцем своим огненным противникам, он начал вытаскивать по одной стреле, чтобы потом приладить каждую из них к луку, натянуть тетиву и, как следует прицелившись, поразить очередное “солнце”, оставляя в итоге только одно. При этом попадать он умудрялся так, чтобы не пострадал ни один из зрителей, что, успешно справившись с задачей, посчитал немалым достижением, позволив себе, наконец, облегченно выдохнуть и отложить лук в сторону.

Матвей Болотов

Красавица императрица продолжает зажигать на сцене, поэтому как тут не порадоваться и не посвятить ей еще несколько строк. К роскошной блондинке Матвей поневоле проникается так, что даже сбитые стрелами солнца у него обретают отчасти трагический оттенок. Как так, девушка старалась, а все ее труды бац, и сбили с небосвода. Трагедия, ну, куда ни плюнь же – и у Матвея получается к этому достаточно серьезно подойти, чтобы потом выдать достаточно серьезный и торжественный текст, сопровождающий изгнание главных героев с небес.

– Небо темнеет,
бирюза превращается в кобальт,
нежные плечи Чан Э обнимает прохлада,
ложится на землю словно живительный плащ.

Море кипит,
но все тише,
и тише,
и тише.

В нем похоронены девять простреленных солнц.
Небо темнеет от гнева императрицы.

Правая ладонь – иглы зарниц,
левая – лезвия молний,
они сходятся над головой Хоу И, чтобы обрушиться бурей.

В гневе императрица скоро на запреты
и велит Хоу И и супруге его, безупречной Чан Э,
оставаться навек на земле, чтоб уже не вернуться на небо.
Грусть Чан Э – серебристые слезы на темных ресницах,
и грустит Хоу И, обнимая дорогую супругу.

Им двоим остаётся земля,
чтоб её полюбить крепче неба.

Хоу И расточает добро своих дел
для людей, что живут теперь рядом,
но печальна Чан Э.

Серебристые слезы на темных ресницах.

Анна-Лиза Саволайн

Анна-Лиза за кусок выступления со стрелами и солнцами переживает больше всего. Ей надо оставаться сосредоточенной на пламени и аккуратно гасить клубки огня по

одному, не роняя их все разом из-за того, что погасло одно, а еще нужно как-нибудь держать лицо и изображать на нем что-нибудь, приличествующее случаю. Саволайнен недолго думает и быстро разрешает себе испытывать страх от того, что совсем рядом пролетают стрелы. В конце концов, по легенде это же вроде как ее дети. Бояться за своих детей, это должно быть совершенно нормально.

Но вот наконец девять клубков огня прострелены, а десятый Анна-Лиза мановением руки отпускает сама и начинает уже актерствовать в полную силу, как не получалось, пока она была занята манипуляциями с магией. Анна-Лиза хватается за волосы, потом прикрывает ладонями губы, которые она старательно и показательно заставляет дрожать, а потом делает широкий шаг в сторону Джуна, изображая, что она в ярости. Ее руки неистово порхают, как лопасти спятившей ветряной мельницы, изображают один гневный жест за другим, а под конец Анна-Лиза яростно указывает прочь, в сторону от сцены, намекая, что выгоняет стрелка на мороз и даже без тапок. По тексту выгонять следует обоих, поэтому Саволайнен указывает на Юэмин, играющую роль Чан Э, повторяет в отношении нее этот же резкий жест, и в довершение бьет себя кулаком по раскрытой ладони, лишний раз подчеркивая: выгоняет и с концами. Нельзя, запрещено, но пасаран.

После этой отчаянной сцены можно расслабиться, и технично самоустраниться из действия, и только наблюдать, как ребята доигрывают что осталось. А там еще прилично, кстати, половина постановки еще, что ли.

Джун Мотидзуки

Когда императрица начала гневаться и старательно запрещать им покидать землю, Джун с трудом удержался от печального вздоха. Он бы понял если бы подобное решил учинить старый сбрендивший император, но молодая и красивая императрица... По его мнению, с ней можно было договориться, немного побеседовав в спокойной обстановке за бутылочкой-другой какой-нибудь небесной выпивки, как нормальные люди... Точнее боги. Но вот нет, согласно сюжету, он с женой страдал по совершенно нелепой причине, поскольку ничего плохого не сделал, всего лишь попытавшись всем помочь и всех спасти.

Помимо недовольства царящей несправедливостью, Джуна мучил еще один момент. Рассказчик четко сказал “обнимая дорогую супругу”, а значит, ему ничего не оставалось как следовать его словам и нервировать будущего лесоруба, который пока ждал возле сцены. Но он всегда был достаточно послушным мальчиком, поэтому, изобразив страдания по причине их вечного изгнания, подошел к Юэмин и осторожно ее обнял, пытаясь разделить печаль на двоих.

Сначала он хотел сразу ее и отпустить, но потом пришел к выводу, что “дорогих супруг” так не обнимают, поэтому прижал к себе девушку крепче, проводя рукой по ее волосам, словно стараясь успокоить и показать, что вместе они со всем справятся. Наверное, где-то за сценой лесоруб уронил свой топор, но отступать уже было некуда, поэтому Джун, с отчаянностью камикадзе, постоял так еще несколько секунд и только после этого выпустил Юэмин из своих объятий и отправился бродить по сцене, симулируя совершение всевозможных добрых дел и прикидывая, долго ли ему осталось жить после таких вольностей.

Се Юэмин

Начиналась трагическая часть истории, в которой Хоу И спас жителей земли от

палящих солнц, но разгневал небесную императрицу, которая изгнала его и невинно пострадавшую Чань Э на землю, запретив возвращаться в небесные чертоги. Юэмин с укоризной посмотрела на очень красивую европейку, которая играла императрицу, затем закрыла лицо руками, изображая безудержные рыдания по поводу утраченного права жить среди богов. Актриса из неё была так себе, но и роль тоже пока была простой. Только вот легендарный лучник должен был её обнять, а где-то за сценой был Тео с топором. Это могло внести определенные коррективы в сценарий.

Когда Джун обнял её за плечи, Юэмин бросила в его сторону выразительный печальный взгляд, который либо принадлежал огорченной Чан Э, которая из-за мужа, убившего императорских сынов, теперь вынуждена слоняться среди смертных, где тебе ни нарядов, ни дискотек нормальных, либо означал беспокойство за жизнь и здоровье самого японца, столь близко к тексту игравшего Хоу И. После этого Юэмин замерла в объятьях так называемого мужа, снова спрятав лицо в ладонях, но аккуратно, чтобы не размазать яркий макияж.

После этого Хоу И отправился совершать подвиги, а Юэмин осталась горевать одна, уже не рискуя навлечь ни на кого гнев вооруженного Тео.

Матвей Болотов

Матвей обращает внимание, что в отдельных эпизодах актеры постановки испытывают замешательство. Особенно ярко почему-то это заметно в эпизоде, где Хоу И с подачи легкого языка Матвея должен обнять Чан Э. Именно здесь замешательство становится особенно натянутым, но Матвей со свойственной ему порой потрясающей зоркостью Стиви Уандера никак не может взять в толк, с чего бы это вдруг могла такая неловкость возникнуть.

Да и вообще, задача у Матвея сейчас несколько иная: не ржать, живописуя прекрасную фею, которую играет отнюдь не хрупкий парень, кое-как загримированный под девушку.

– Слухи летят над землёй,
через горы и реки,
как быстрые птицы,
что живёт за горами прекрасная фея Сиванму.
Та, которой знакомы все тайны земли и которая знает,
как достать до небес, от земли оторвавшись легко.

Хоу И отправляется в путь
через десять неистовых рек,
десять гор ледяных –
серебристые слезы на тёмных ресницах жгут сильнее,
чем горячая сталь.

Хоу И находит прекрасную фею,
бьёт челом и целует ладони.
Фея трижды плюёт в свой бездонный котёл –
сердце феникса, кровь альбатроса –
и становится зелье кипящей небесной водой.

На глоток одному.

Хоу И опечален и вновь
просит фею о чуде,

но бездонный котёл уже пуст, и кипеть ему нечем.
Возвратившись к Чан Э, Хоу И от супруги скрывает
три кипящие капли небесной воды:
ни покинуть Чан Э, ни её отпустить он не может.

Джун Мотидзуки

Закончив со стрельбой, Джун надеялся, что самое неприятное уже позади, но как оказалось, Матвей приготовил впереди еще много чего интересного. Сначала его герою по сценарию предстояли великие страдания, поскольку он не мог вынести печали своей жены и решил добыть какой-то подозрительный эликсир. Но на это Джун еще вполне мог согласиться. Он старательно демонстрировал, как преодолевает всевозможные невзгоды на пути к фее Сиванму: строил трагическое выражение лица, заламывал руки, припадал на одно колено, словно сталкиваясь на пути с ужасными препятствиями, но все это было цветочками. Самое интересное его ждало при встрече с Сиванму, которая вместо прекрасной феи, в их версии, оказывалась парнем.

Матвей не нашел ничего лучше, чем заявить о необходимости после появления феи бить челом и лобызать чьи-нибудь ладони. Конечно, у Джуна не имелось никаких предрассудков, по поводу взаимоотношений мужчин, но к подобной близости с Финехасом он был не готов, поэтому предпочел подойти, упасть перед ним на колени, а потом поднять на фею мужского пола печальные глаза и сложить руки в молитвенном жесте. Пожалуй, ради какого-то там эликсира сомнительной ценности, заходить дальше или начинать целовать свои собственные ладони, он не стал бы ни при каком раскладе, поэтому надеялся, что Финехас согласится с его версией событий и не станет провоцировать на продолжение, чтобы картинка в точности соответствовала рассказу Матвея, говорившего красиво, но не всегда то, что от него хотелось бы услышать.

Финехас Зейдан

Для Финехаса не составляет никакого труда сыграть женщину для целей высокого искусства. Свойственное Финну легкое равнодушие к окружающей его жизни помогает юноше спокойно принять и то, что ему предлагают сыграть прекрасную фею, и то, что его ради постановки обряжают в какие-то безумные платки и юбки, чтобы сделать его как можно более похожим на хоть что-то женоподобное, и даже то, что во имя искусства ему разрисовывают лицо. Рисует Анна-Лиза, обещая сделать из него “египетскую фреску” – Финн же, по собственному скромному мнению, даже после такой косметической процедуры походит на Клеопатру так же, как бегемотье рыло – на лицо Вивьен Ли.

Но ему не на конкурс красоты выдвигаться, поэтому, опять же, Финна это не напрягает. Уж как минимум – не напрягает в сравнении с заявлением рассказчика о том, что сейчас кому-то будут целовать ладони.

Первым побуждением было спрятать руки за спину – хоть Джун и выглядел тоже не слишком этой перспективой вдохновленным, совершенно не хотелось проверять, насколько ответственно он способен следовать букве текста рассказчика. В последний момент Финехас придумывает кое-что получше. Он поднимает руки повыше, с оттопыренными указательными пальцами, изображая жест “внимание, сейчас буду рожать чудо”, якобы чтобы зрителям было виднее, и тем самым железно уводит руки из зоны поражения, Джун до них теперь дотянется только если

в прыжке. Обезопасив себя, Финн начинает с максимально загадочным лицом делать руками магические пассы, имитируя колдовство, и в итоге вручает Джуну заранее заготовленный пузырек, в котором на дне плещется родниковая вода, причем вручает с максимально скорбной рожей – вот, мол, все, что надоил, больше ничем помочь не могу.

На этом короткая и довольно бесславная роль заканчивается, и Финн, на прощание залихватски подмигнув глазеющей на него стайке учениц, скрывается за краем сцены. Разоблачаться, конечно, ему еще рано, но вот расслабиться уже можно.

Джун Мотидзуки

К счастью, особых проблем с получением эликсира у него не возникло. Из Финехаса фея получилась может не очень привлекательная, поскольку на прекрасную женщину он все-таки не тянул, но вполне адекватная. И хоть жутким, по описанию рассказчика, зельем можно было разве что врагов травить, а не любимых жен поить, Джун с искренней благодарностью принял из рук пузырек, снова немного пострадал, на этот раз из-за слишком малого количества волшебного эликсира, и отправился в обратную дорогу.

По его собственному мнению, Хоу И был тем еще дураком, потащив эликсир, который все равно не собирался пить сам или отдавать жене, домой. Можно было от него отказаться или просто выкинуть по дороге, чтобы не вводить никого в искушение, но нет, он своим ущербным божественным мозгом, додумался притащить пузырек домой и спрятать его от Чан Э, совершенно не ясно на что надеясь. Но, что бы там не считал сам Джун, ему приходилось следовать сценарию, поэтому он послушно понес пузырек через сцену, изображая свое возвращение, а, якобы вернувшись домой, спрятал его за мишенью с изображением монстра, которую так и не успели убрать и, воровато оглядевшись по сторонам, отправился прочь. По сценарию он должен был всю заниматься добрыми делами, пока жена дома от скуки баловалась подозрительными напитками, поэтому он сделал все, чтобы в этом важном деле ей не мешать.

Матвей Болотов

Матвей не слишком-то обращает внимание на детали того, что происходит на сцене, пока в него не летят тапки со стороны возмущенных повествованием актеров. Поэтому тот факт, что часть слов рассказчика оказывается актерами похерена, парень невозмутимо игнорирует, и даже страшную месть в душе не лелеет, и отрастить в рассказе какую-нибудь жуткую ловушку, которая заставит артистов замечаться в недоумении, а потом страдать, страдать, страдать, не планирует. Все, что он говорит дальше, рождается на языке совершенно независимо от того, насколько качественно его слушают и слушаются Хоу И и компания.

– Как надёжно ни прячет Хоу И чудесное зелье,
но не скроет его он от глаз безупречной Чан Э.

В полнолуние нет мужа рядом, и вот
три кипящие капли в руках у богини и манят подняться,
и Чан Э выпивает их единым глотком.

И взлетает одна.

Выше леса и гор –
легче пера альбатроса.

Выше неба –

легче, чем феникса пламя.
Полнолуние красит полет в серебро и бриллианты.
В одиночку Чан Э достигает луны
и оттуда, оглянувшись на землю,
видит, как муж её ищет, и ищет напрасно.
Ни леса, ни долины, ни горы
не таят в себе след безупречной Чан Э.
Только небо, безмолвное небо
хранит в себе правду.
Безутешен Хоу И, и не знающий промаха лук его —
красные плечи, белая смерть —
неподвижен в умелых руках.

Се Юэмин

Самый сложный для Юэмин момент был тот, где Чан Э, найдя волшебный эликсир, решила одна его выпить, и оказалась на Луне. Она не знала, какую из версий легенды в итоге расскажет Матвей, который объединял в своих словах много разных вариантов мифа. А по одному из них, например, Хоу И пытался за кражу эликсира застрелить Чан Э, но не смог, потому что слишком любил.

Девушка взяла пузырек с волшебным эликсиром, воровато посмотрела по сторонам, открыла его, неуверенно коснулась горлышка губами, но затем выпила все снадобье. После этого Юэмин взмахнула руками и закружилась в танце, который должен был изображать её вознесение на Луну. Она совсем немного ходила в танцевальную студию, потому ничего долгого и сложного изобразить не могла, да и Ханьфу мешало, но в итоге Чан Э унесло потоком воображаемой магической энергии куда-то назад по сцене, что и должно было обозначать чудесное вознесение богини.

И уже оттуда Юэмин наблюдала за тем, как её ищет Хоу И, и даже делала вид, что страдает и скучает по легендарному мужу, с которым им было не суждено больше встретиться.

Джун Мотидзуки

А дальше события развивались, как и положено в истории о смелых, импульсивных, но не очень умных героях. Хоу И, в его лице, конечно, не догадывался о том, что жена найдет спрятанный им эликсир, а Чан Э, совершенно случайно на него наткнулась, сразу поняла, что это такое и осушила из горла, не сильно задумываясь о грядущих проблемах в семейной жизни из-за ее необдуманного поступка. И это в очередной раз заставило Джун для себя отметить, что любить можно красивых, а жениться только на верных и ответственных, чтобы потом не получать таких вот сюрпризов, возвращаясь с работы.

Пока Джун размышлял на эту тему, Юэмин успешно справилась со своей частью, и ему настало время возвращаться и искать пропавшую жену. Конечно, он в очередной раз был безутешен, прикидывая, что за всю свою жизнь не страдал столько, сколько за время этой постановки. Печально бродил по сцене, пытаясь смириться с потерей жены, а потом, изобразив приступ ярости, внимательно посмотрел по сторонам, обнаружил свой брошенный лук и, с выражением отчаяния

на лице, за него схватился. Как именно Хоу И собирался пристрелить улетевшую Чан Э для него оставалось загадкой, но, в его случае все было намного проще. Джун навел лук со стрелой на Юэмин с самым грозным выражением лица, на которое был способен, но уже секунд через десять вздохнул и опустил его вниз, показывая, что любовь к жене победила и теперь ему придется вместо женщины довольствоваться работой и алкоголем, что при любом раскладе было не самой лучшей альтернативой.

Матвей Болотов

Пока Хоу И изображает на сцене безутешные страдания по беглой жене, Матвей старательно собирает у себя в башке следующий отрывок, посвященный кровавому убийству. Неожиданно для самого себя парень выясняет, что он хоть убей не помнит, чем они там собирались укокошить небесного стрелка.

Но раз за сценой из убийственного реквизита ощутимо и зримо наблюдается только внушительных размеров топор у лесоруба на плече – то, наверное, топором уходить и собирались? Ну и отлично, пусть будет топор, для текста это даже по-своему хорошо.

– Жизнь утекает все дальше
и не знает слов "стой" и "вернись".

Остаётся Чан Э на луне, жить в хрустальном дворце.

На земле Хоу И заперт один на всю жизнь,
учит людей искусству стрельбы,
и лук его, бесподобный доныне,
обретает с годами немало подобных себе.

Печаль разлуки горькая, но не горше,
чем зелёное злое вино,
и в зелёном вине

год за годом стремится Хоу И
утопить по супруге тоску.

Но приходит к Хоу И, крепко пьяному от вина,
ученик его Фэн Мэн, первый средь прочих равных.

И Фэн Мэн пьян не меньше, но
завистью пьян, не вином.

И не знает покоя душа его,
пока жив Хоу И, первый лучник на этой земле.

Ночь темна, и бессильно с луны наблюдает Чан Э,
как заносит топор беспощадный Фэн Мэн,
и становится плахой дом,
и помостом для казни земля,
такая молодая земля.

В красных шрамах – от крови,
в чёрных шрамах – от света десятка солнц.

Джун Мотидзуки

Если поведение его героя большую часть легенды пахивало откровенным идиотизмом, то под конец все стало совсем грустно. По сценарию ему следовало учить стрельбе из лука и временами беспробудно пить, поэтому Джун опять красовался в роли лучника и время от времени прикладывался к кувшинчику, который ему протянула чья-то заботливая рука. Правда когда он один раз случайно

попробовал содержимое, вопросов у него возникла масса, так что больше экспериментировать он не стал, поскольку ему подсунули какую-то откровенную дрянь, последствий принятия которой он пока не мог и представить.

Наконец, оставив лук, Джун уселся на сцену, снова поднес к губам кувшин, сделал движение, призванное показать, что опустошает его содержимое и начал притворяться пьяным: покачиваться, что-то тихонько бормотать и, иногда, бросать печальные взгляды в сторону Чан Э, искренность страданий которой вызывала у него серьезные сомнения, после всего, что она успела учудить с эликсиром. Но это было его мнение, как Мотидзуки Джуна, а вот Хоу И должен был переживать за безответственную супругу и покорно ожидать своего невеселого будущего, которое уже приближалось в лице его завистливого ученика.

Фэн Мэна согласился играть Маркус, так что его появление на сцене Джун встретил как должное, а вот непонятно откуда взявшейся в его руках топор заставил молодого Мотидзуки нахмуриться. Он не был уверен, что здесь дело не обошлось без лесоруба, но пока решил не возникать, притворившись, что ничего не видит и не понимает и просто пьян настолько, что считает мужика с топором и недобрым взглядом чуть ли не своим лучшим другом, на плече которого можно потосковать о пропавшей жене.

Маркус Агирре

Несколько дней назад Маркус согласился поучаствовать в безумии, которое должно состояться на главной площади во время празднования какого-то праздника. К праздникам у Маркуса было не очень хорошее отношение, он никогда ничего не праздновал, кроме своего дня рождения. Поэтому ему всегда было глубоко плевать на всякие праздники, но сейчас почему-то ему показалось довольно интересным это. И необычным. И он принял участие. Ему досталась роль завистника и убийцы, к которой он подготовился основательно.

Фэн Мэн всегда мечтал быть лучником, и он услышал о Хоу И и напросился к нему в ученики. Но он хотел быть не просто лучником, а самым лучшим. И ему не нравилось, что наставник все равно лучше него. И однажды он решил его убить.

Он пришел к нему домой, тот оказался слишком пьян, чтобы что-то соображать. Это оказалось как нельзя кстати, так как он принес топор. И вот он занес топор над своим учителем, и в душе в этот роковой момент, когда лезвие орудия лесоруба, у которого он одолжил топор, соприкоснулось с телом учителя, ничего не ёкнуло. Сделав свое жуткое дело и поняв, что он теперь самый лучший лучник, мужчина ушел...

Матвей Болотов

Кровавое убийство проходит как-то вяло, даже парочку помидор на сцене раздавить постеснялись, так что самым кровавым в этой ситуации становится текст рассказчика. Даже занесенный Фэн Мэном топор кажется Матвеем выглядящим как-то вяло и не угрожающе. И очень хочется, чтобы следующую сцену отыграли как-то поживее и поверибельнее, а то там же все-таки трагедия в полный рост (которую они, кажется, успешно запороли, еще как только вышли на сцену, но надо же хотя бы попытаться). Чтобы не оказалось потом опять, что текст рассказчика теперь еще

и самый трагический.
– На луне – тишина.
Ночь пронзают осколки созвездий.
Безутешна Чан Э, одинокой оставшись в хрустальном дворце.
На земле – тишина,
и искать взгляду некого больше,
слезы катятся градом по белым как мрамор щекам.
В тишине и земли, и небес каждый звук –
словно пушечный выстрел,
разлетается плач над поверхностью лунной.
И на жалобный зов,
раздвигая соцветия лунных глициний,
появляется возле дворца лесоруб.
На плече его крепком
высыхают Чан Э безутешные слезы,
и печаль, что держала за горло,
как стальная перчатка,
постепенно становится мягкой и светлой,
и тает,
как матовый дым.

Се Юэмин

Пока на земле Хоу И спивался, а потом его убивали, Юэмин стояла в задней части сцены, нервно сцепив пальцы перед грудью, и всем своим видом выражала беспокойство за покинутого на земле мужа. Она кусала ярко накрашенные губы и прятала за ладонями воображаемые слезы.

Когда рассказчик заговорил о том, как она страдала на Луне в одиночестве, Юэмин взяла большой фонарь и зажгла в нем свечу. Если бы она владела магией Огня, это было бы изящнее, а так девушке пришлось доставать из складок широкого пояса зажигалку, из-за чего она едва не уронила на сцену спрятанную там же пачку сигарет. Это было бы двойным фейлом: мало того, что Чан Э вряд ли баловалась курением, эта вредная привычка была под запретом в Линь Ян Шо, а тут сейчас вокруг были вообще все, включая настоятеля. Но сигареты удержались, фонарь загорелся, девушка убрала зажигалку и расправила пояс, а затем выпрямилась и пошла с фонарем в сторону зрителей.

Она жалобно смотрела по сторонам в поисках Хоу И, которого не было на Луне и даже не было в живых на земле, а затем украдкой посмотрела в сторону Тео, который играл непонятно откуда взявшегося утешающего лесоруба. Такую версию легенды Юэмин слышала впервые, и ей стоило немалых усилий не рассмеяться, пришлось даже снова закусить губу, а затем поднести руку к лицу, так как вторая все еще была занята фонарем.

Тео Чун

Изначально Тео настаивал на том, чтобы сыграть лунного зайчика, благо, у него уже был очень старый опыт рассказывания стихотворений про трусишку зайку серенького, еще когда он ходил под стол пешком и чуть не подрался с Лин из-за этого четверостишия, но в итоге каким-то магическим образом зайчик превратился в

лесоруба, который должен был утешать безутешную Чан Э. Такая версия Тео понравилась даже больше, и он с энтузиазмом согласился, что да, лесоруб тут будет намного уместнее, хотя про его участие в легенде слышал вообще впервые, да и вообще, зачем на Луне какие-то лесорубы? Единственное, что омрачало радость от участия в подобной сомнительной самодеятельности, это факт наличия у Чан Э мужа, подозрительно похожего на японца. Ибо в роли легендарного стрелка выступал не то брат, не то сват, не то еще какой родственник приснопамятного Мотидзуки Тору, с которым у младшего из близнецов складывались не очень устойчивые, а временами и даже очень шаткие, отношения, базирующиеся, в основном, на взаимной неприязни из-за разности культур, мировоззрений, да и всего прочего тоже. Впрочем, выглядел Хоу И, исполняемый японцем, как-то неубедительно, так что Тео, с внушительным колуном, позаимствованным из мастерской, на плече многозначительно поигрывал своим инструментом и всем своим видом давал понять, чтобы дорогую супругу тщедушный Хоу И обнимал не слишком рьяно и ответственно.

Рассказчик вел легенду в весьма вольном изложении, так что в итоге было непонятно, какой ожидается итог всего этого безобразия, но при упоминании своей роли Матвеем Тео выбрался на сцену из импровизированных кустов глицинии, едва не снеся колуном голову одному из тех, кто эти кусты удерживал, изображая местную лунную растительность и сделал вид, что прислушивается к рыданиям Чан Э, безутешной по своему покинутому муженьку, расправил плечи, изображая готовность подставить под слезы не только то самое крепкое плечо, но и все остальное, не менее крепкое, и направился к девушке. Он привлек ее к себе, обнимая за плечи одной рукой (во второй все еще был топор, который Тео опасался уронить кому-нибудь на ноги во время своего похода по сцене), и принялся активно утешать, сотворив невероятно участливую мордашу, при этом наклоняясь к Чан Э все ниже и ниже, что, вероятно, могло бы ознаменовывать утешительный поцелуй. Но, памятуя о наличии на площади старших мастеров и Настоятеля, Тео развернулся спиной к зрителям спиной, скрывая собой сий трогательный момент.

Джун Мотидзуки

Джун всегда серьезно относился к своим обязанностям и старался не портить доверенное ему дело, давая волю эмоциям. Но то что сейчас происходило на сцене иначе как издевательством назвать было нельзя. Он, значит, тут страдал столько, что его слезами можно было наполнить целое озеро, делал направо и налево добрые дела, учил людей стрельбе из лука, а его самым подлым образом убили, подозрительно кочующим из рук в руки топором, а жену увели. Причем последняя совсем не сопротивлялась, радостно уцепившись за лесоруба и совершенно забыв, что где-то недалеко валяется мертвое тело ее мужа, благодаря стараниям которого она и могла сейчас позволить себе резвиться с лесорубом на небе, пока он притворялся хладным трупом на земле.

Какое-то недолгое время Джун с этим мирился, но потом все же не выдержал и решил сделать трактовку легенды еще более вольной, чем она была. Конечно, переть на лесоруба, значительно превосходящего его по габаритам, было верхом глупости, поэтому он решил оставить подлую изменщицу и ее приятеля, найдя для несчастного Хоу И какую-нибудь более веселую альтернативу, чем смерть и забвение.

Наверное, неожиданное возвращение его героя из мертвых должно было удивить и собравшуюся публику, и остальных участников постановки, поскольку о подобном никто не договаривался. Но, стараясь, сильно не выходить из роли, Джун открыл глаза, сел, с интересом посмотрел на стоящим рядом с ним кувшин, словно подтверждая старую истину, что смелого пуля, а в его случае топор, боится, а в пьяного не попадешь, и медленно поднялся на ноги. Сначала он собирался обрести голос, но потом решил, что это будет не слишком уместно, а потому подошел к Матвею и прошептал ему на ухо новую концепцию, которая заключалась в том, Хоу И после своего воскрешения снова предстал перед императрицей, которая к тому времени уже перестала гневаться, попросил у нее прощения и пообещал взамен утерянных сынов подарить ей новых.

Ну а после этого, Джун не нашел ничего лучше, как снова завести императрицу на сцену и припасть перед ней на одно колено, показывая свое покаяние и надежду, что два хороших человека всегда могут договориться, и для этого совершенно не надо никого изгонять и наказывать за то, что вполне можно исправить достаточно нехитрым способом. Конечно, никто не мог гарантировать, что за такие вольности он не получит по голове не только топором, но теперь и магией огня, но, по крайней мере, подобное завершение постановки можно было считать более позитивным и подходящим для веселого праздника, к которому все так старательно готовились последние дни.

Матвей Болотов

Матвея долго уговаривать не надо – у него финальные аккорды текста в голове еще сложены столь нечетким образом, что он только рад их перекроить и перевернуть. Поэтому, пока на сцене Чан Э милуется с лесорубом, Матвей, с интересом вытянув шею, слушает, как Джун нашептывает ему на ухо исправленную версию сценария. И одобрительно кивает – он не думает, что и небесная императрица тоже будет против того, чтобы лишний раз покрасоваться на сцене, так что все должно получиться совершенно путем.

Жаль только, текст уже слегка разваливается, потому что, Матвей, опять же, слегка спекся, пока стояла на сцене и сочинял, но надо уже заканчивать хоть как, и Матвей торжественно диктует:

– Радость Чан Э воскресает в руках лесоруба,
вслед за ней воскресает Хоу И,
взмывает в небо легкой душой,
туда, где все так же малиновые зарницы
горят на ладонях небесной императрицы.
Императрица спрячет верную душу в складках подола
и оставит имя Хоу И жить в легенде.
Каждую осень будет эта легенда
подниматься в темно-синее небо
стаей золотящихся в ночи фонарей,
подниматься к полной луне,
где Чан Э все живет, утешаясь, в хрустальном дворце.
Все легенды всегда происходят без нас,
но эта – случилась с нами
и только для нас.

Поклон, – командует Матвей, у которого уже нет сил дополнительно излагать что-нибудь в духе “для вас выступали”. Ну понятно же, что выступали, все всех видели, теперь можно кланяться и уходить.
